

История репрессивной политики в лицах

УДК 947

В.В. Горохов

«Умер в исправительно-трудовом лагере»: жизнь и трагическая судьба военного прокурора Черноморского флота П.С. Войтеко

Аннотация: Статья посвящена процессу политических репрессий на Черноморском флоте в период большого террора 1937–1938 гг. Архивные документы свидетельствуют, что не все работники военной юстиции в тот период были безвольными исполнителями воли военно-политического руководства. Одним из таких был военный прокурор Черноморского флота Войтеко Павел Станиславович, который отличался бескомпромиссностью в вопросах соблюдения законности, пытался противостоять чинимому органами НКВД произволу. Часть приведенных в данной статье документов вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: командно-начальствующий состав, военный прокурор, Черноморский флот, особый отдел, арест, исправительно-трудовой лагерь.

V.V. Gorokhov

«Has died in labor camp»: life and tragic destiny of the military prosecutor of the Black Sea Fleet P.S. Voyteko

Abstract: the Article is devoted to the process of political repression on the black sea fleet in the period of the great terror of 1937-1938 Archival documents indicate that not all workers of military justice in that period was limp executors of the will of the military-political leadership. One of them was the military

Prosecutor of the black sea fleet Voytko Pavel Stanislavovich, which is characterized by uncompromising in upholding the rule of law, tried to resist perpetrated by the NKVD arbitrariness. The part outlined in this article, the documents introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: command and commanding staff, the military Prosecutor, the black sea fleet, the special unit, arrest, forced labor camp.

Кадровые чистки 30-х годов прошлого века коснулись всех слоев и «этажей» советского общества. Не обошли они стороной и Военно-Морские силы РККА и Военно-Морской Флот СССР, прежде всего их командно-начальствующий состав. Всего же в тот период были репрессированы по политическим причинам около 3000 военных моряков¹.

Особенно трагически сложились судьбы первостроителей Красного Флота, его первых флагманов и военных комиссаров.

Изучение различных материалов позволяет сделать вывод о том, что в результате репрессивной политики в отношении командного состава армии и флота были погублены в подавляющем большинстве невинные люди, чья вина состояла в том, что они когда-то служили в императорском флоте, имели родственников за границей или не ту (не советскую) национальность, поддерживали отношения с теми, кто был объявлен «заговорщиками и врагами народа» или критически оценивали политику партии и советского правительства.

Под нажимом следователей НКВД арестованные командиры признавались в том, чего на самом деле не совершали. Осуждать флотских командиров, не выдержавших издевательств садистов-следователей, нельзя, тем более что впоследствии многие из них от своих первоначальных показаний отказались. Из множества загубленных судеб следует выделить тех, кто ни при каких условиях и вопреки применяемым к ним физическим и другим воздействиям остались при своем мнении и не подписали никаких изобличающих их как политических преступников документов. Одним из таких был командующий Черноморским флотом флагман флота 2 ранга Кожанов Иван Кузьмич. Он являлся членом Военного совета при НКО СССР с ноября 1934 г. И.К. Кожанов принимал участие в разработ-

ке способов применения подводных лодок, морской авиации, торпедных катеров и других перспективных средств войны на море, уделял большое внимание оперативно-тактической и боевой подготовке флота, взаимодействию его с армией.

И.К. Кожанов был арестован 5 октября 1937 г. по обвинению в контрреволюционном преступлении. Он был осужден 22 августа 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по статьям 58-1а, 58-8, 58-11 УК РСФСР «как участник военно-фашистского заговора» и приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Реабилитирован И.К. Кожанов 7 июля 1956 г. той же судебной инстанцией².

И.К. Кожанов – один из тех немногих арестованных, кто не давал показаний, обличающих других, не позволял он и клеветать на себя. Ни во время следствия, ни в суде он не сломался, что в то время было большой редкостью, и виновным себя не признал. Сегодня можно утверждать, что именно позиция флагмана флота 2 ранга И.К. Кожанова, его мужество и стойкость не позволили органам НКВД организовать процесс о «военно-фашистском заговоре на флоте».

Но не все из окружающих спешили обвинить его в антисоветской деятельности. Принципиальную позицию занял военный прокурор Черноморского флота бригадвоенюрисст Павел Станиславович Войтеко. Он неоднократно пресекал попытки особистов чинить произвол над подследственными, и в связи с этим сам был репрессирован. Он оказался одним из немногих юристов, кто нашел в себе мужество открыто выступить против репрессий. И это на самой вершине, когда подобное выступление можно было заведомо отнести к категории самоубийственных.

Войтеко Павел Станиславович родился в 1894 г. в деревне Гирегейки Паневежского уезда Ковенской губернии. В декабре 1914 г. призван в армию. Участник Первой мировой войны. Воевал на Кавказском фронте, был рядовым и ветеринарным санитаром. Последняя должность в русской армии – младший ветфельдшер. С ноября 1917 г. состоял в Красной гвардии г. Осташково – красногвардеец 1-го Советского красногвардейского полка. С мая 1918 г. занимал различные должности военных комиссаров в Красной Армии. В сентябре 1924 г. назна-

чен помощником военного прокурора Кавказской краснознаменной армии. В дальнейшем служил в должности военного прокурора, что говорит о его профессиональном росте и высокой квалификации, знании своего дела, уважении и доверии вышестоящего командования. С февраля 1931 г. – помощник (заместитель) военного прокурора, затем военный прокурор Морских сил Балтийского моря³.

Военюрист П.С. Войтеко был назначен на должность военного прокурора ЧФ в октябре 1933 г. После прибытия в Севастополь, Павел Станиславович представился командованию флота в лице комфлота И.К. Кожанова и начальника политуправления Г.И. Гугина. С ними у него сразу же установились деловые взаимоотношения. Член ВКП(б) с дореволюционным стажем, активный участник Гражданской войны, имевший опыт не только прокурорской, но и партийно-политической работы, П.С. Войтеко быстро нашел общий язык с членами Реввоенсовета ЧФ, работниками штаба и политуправления флота.

Павел Станиславович старался как можно подробнее ознакомиться с оперативной обстановкой на кораблях и базах, не задевая при этом самолюбия работников особого отдела ОГПУ. Он помнил, что в его последней, в целом положительной аттестации отмечен один единственный «недостаток»: будучи заместителем военного прокурора КБФ, «излишне обострял отношения с Особым отделом Балтийского флота»⁴.

Наслышанные о бескомпромиссности нового военного прокурора Черноморского флота работники штаба отнеслись сначала к Войтеко настороженно. Однако со временем, как казалось руководству флота и Главной военной прокуратуре, отношения представителей двух ведомств наладились – прокуратура и Особый отдел решали все вопросы, исходя из интересов службы, руководствуясь законом и соответствующими уставными положениями. Дела у прокурора ЧФ, по оценке руководства главной военной прокуратуры, шли вполне удовлетворительно. В 1936 г. П.С. Войтеко было присвоено воинское звание бригавоенюрист⁵.

Однако «гармония» взаимоотношений флотского прокурора и особистов была нарушена к 1936 г. Обусловлено это было тем, что проявляя партийную и профессиональную принци-

пиальность, П.С. Войтеко не допускал нарушений законности в следственной практике, не давал санкций на аресты людей, если не имелось достаточных к тому оснований, прекращал необоснованно возбужденные дела. Отметим, что случаи подобного рода в то время встречались все чаще.

Например, в сентябре 1936 г. Особым отделом НКВД Черноморского флота был арестован краснофлотец М. Богдан. Он обвинялся в контрреволюционном преступлении. Богдан якобы неодобрительно высказывался о методах коллективизации и военного строительства в СССР. Однако доказательств, подтверждающих хотя бы один факт враждебной деятельности краснофлотца, в деле не было. Поэтому прокурор ЧФ П.С. Войтеко отказался утвердить обвинительное заключение по делу М. Богдана. Этот случай обострил отношения между прокурором и особистами флота.

С началом 1937 г. обстановка в стране еще более накалилась. Начались массовые репрессии в армии и на флоте, но прокурор ЧФ бригадюр юрист П.С. Войтеко по-прежнему не изменял своим принципам.

В мае 1937 г. Павел Станиславович отказал в даче санкции на арест бывшего работника Ялтинской типографии Деревягина, который, согласно версии следователя особого отдела ЧФ, был завербован «еще до 1932 г. неким Прокудиным для совершения террористического акта над вождем народа товарищем Сталиным»⁶. Этот случай через год еще вспомнят чекисты, арестовав П.С. Войтеко.

Подобных актов незаконных арестов и методов ведения следствия особистами флота было несколько десятков. Поэтому, естественно, что принципиальная позиция «законника-прокурора» расходилась с указаниями наркома НКВД Н.И. Ежова, требовавшего усилить работу по искоренению врагов народа, проникших во все поры советского общества.

Примечательным образчиком, характеризующим обстановку в Крыму того времени, является донесение тогда еще заместителя начальника Особого отдела ЧФ А.А. Исакова на имя наркома внутренних дел Крымской АССР старшего майора ГБ К.А. Павлова. Вот что говорится в этом документе: «В прошлом под давлением Войтеко среди работников Особого отдела ЧФ культивировалось бесхребетно-либеральное отношение к аре-

стованным, категорически было запрещено допрашивать после 12 часов ночи. Вместо выработки у следователей упорства, напористости при допросах насаждалось елейно-добродушное, беззубое отношение к арестованным. В этом же направлении строился и тюремный режим. Совершенно естественно, мы не могли мириться с таким положением вещей и вопреки требованиям прокурора Войтеко поломали эту вредную систему. Кроме уже отмеченной практики Войтеко, выражающейся в либеральном отношении к арестованным, мы располагаем данными, дающими основание считать, что такой стиль работы не случаен и что Войтеко не заслуживает политического доверия»⁷.

С начала лета 1937 г. противостояние прокурора П.С. Войтеко и уже к тому времени начальника ОО НКВД ЧФ А.А. Исакова стало откровенно враждебным. Об этом Павел Станиславович сообщил в парткомиссию флота. Одновременно он доложил Главному военному прокурору РККА Н.С. Розовскому следующее: «К сожалению, не всегда и не все товарищи правильно и самокритично воспринимают прокурорские указания, в отместку возводят необоснованные обвинения против меня. В подтверждение можно привести хотя бы то, что процент переквалифицированных дел по Особому отделу ЧФ доходил до 60 %, не меньше было зарегистрировано мною необоснованных арестов. А ведь всякий необоснованный арест – это еще большее зло для социалистической революции, чем несвоевременное выявление врага»⁸.

Реакция Главного военного прокурора РККА Н.С. Розовского была характерной для того времени: копию доклада П.С. Войтеко он направил наркому НКВД Н.И. Ежову. В итоге как по замкнутому кругу эта копия попала в руки начальника Особого отдела ЧФ НКВД А.А. Исакова. На такую оценку собственных действий со стороны прокурора ЧФ, начальник ОО ЧФ среагировал тем, что сориентировал весь аппарат Особого отдела флота на поиск «доказательств» антисоветской деятельности П.С. Войтеко. С тех пор все чаще указания «ретивого законника» просто напросто игнорировались особистами флота с молчаливого согласия прокурора Крыма и наркома внутренних дел Крымской АССР.

Следователи НКВД постепенно стали накапливать компромат на Павла Станиславовича. Недовольство его работой со стороны центрального аппарата НКВД в это же время шло с возрастающим недовольством и работой руководства Черноморского флота. После завершения открытого судебного процесса над группой военачальников во главе с маршалом Советского Союза М.Н. Тухачевским начались аресты и среди командно-начальствующего состава ЧФ.

Однако П.С. Войтеко, судя по имеющимся в его архивно-следственном деле документам, сдаваться и не помышлял. Будучи уверенным в своей правоте, но практически бессильным в борьбе с беззакониями, допускавшимися работниками Особого отдела ЧФ и Управления НКВД Крымской АССР, Павел Станиславович в очередной раз обратился за поддержкой к Главному военному прокурору РККА Н.С. Розовскому, надеясь на справедливое решение в отношении многих командиров Черноморского флота. Сегодня нужно признать, что его послы к справедливому решению в отношении арестованных были бессмысленны и навлекли на него самого гнев руководителей.

В своих обращениях Павел Станиславович приводил многочисленные факты грубого нарушения законности, допускавшиеся при расследовании дел в отношении арестованных по подозрению в совершении контрреволюционной деятельности.

Так, П.С. Войтеко сообщал в Главную военную прокуратуру в отношении интенданта 2 ранга А.А. Успенского следующее: «...применялись угрозы расстрела без суда и следствия, доведения до смерти сидением на табурете, в котором защемлялись ягоды. Все это и угрозы арестовать семью поставили перед ним дилемму: или умереть на следствии без возможности реабилитации, или пойти на все требования следствия, с тем, чтобы на суде вскрыть истинное положение дел. Прошу принять меры»⁹.

Несмотря на многие обращения П.С. Войтеко, отмеченные им командиры были репрессированы. И только спустя 20 лет, в 1956–1957 гг., большинство были реабилитированы посмертно.

Для самого Павла Станиславовича борьба с органами госбезопасности в отношении соблюдения законности при проведе-

нии следствия по делам арестованных военнослужащих Черноморского флота также закончилась трагически. 9 февраля 1938 г. начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар ГБ 3 ранга Н.Г. Николаев (Журид) направил представление Генеральному прокурору СССР А.Я. Вышинскому письмо с просьбой дать санкцию на арест военного прокурора Черноморского флота бригавоенюриста П.С. Войтеко, который, по мнению и оценке главного особиста страны, «культивировал либеральное отношение к арестованным, тормозил ведение следствия, запрещал допрашивать арестованных после 12 часов ночи»¹⁰.

Но изначально Вышинский такую санкцию тогда не дал. Даже Генеральному прокурору СССР так просто это нельзя было сделать: все-таки Войтеко был прокурором флота, членом партии с дореволюционным стажем. Кроме того, по должности он был причислен к номенклатуре ЦК ВКП(б). Да и оснований для его ареста было не достаточно. Поэтому сначала, 25 июля 1938 г. П.С. Войтеко был освобожден от занимаемой должности. При этом в приказе по ГВП не были указаны причины отстранения. Поэтому 14 августа того же года Войтеко обжаловал это решение в вышестоящей инстанции (в письме Вышинскому), а сам срочно выехал в Москву. В своей жалобе Павел Станиславович утверждал, что решение об освобождении его от занимаемой должности было основано на интригах особистов и Главного военного прокурора РККА. Причину своего увольнения он сформулировал так: «Благодаря кляузам и нечестности некоторых севастопольских работников Особого отдела и личных происков товарища Розовского».

Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский переправил жалобу П.С. Войтеко Главному военному прокурору РККА Н.С. Розовскому, а тот, ознакомившись с документом 20 августа 1938 года, принял свое решение. Согласно оставленной 20 августа 1938 года Н.С. Розовским визе на письме с жалобой П.С. Войтеко, последний был направлен на освидетельствование Гарнизонной врачебной комиссией «в виду увольнения его из РККА».

Этим событиям предшествовала еще одна докладная записка на имя А.Я. Вышинского, теперь уже от начальника Управления особых отделов НКВД СССР комбрига Н.Н. Федорова. В ней сообщалось, что в отношении Войтеко получены допол-

нительные данные от бывшего начальника политуправления ЧФ П.М. Фельдмана. Тот на допросах показал, что прокурор флота оставался «неразоблаченным участником антисоветского заговора и имел тесную связь с врагами народа Кожановым и Гугиным». Вот после этого органами НКВД была получена санкция на арест П.С. Войтеко.

В полночь с 25 на 26 августа 1938 г. в номер московской гостиницы по Староконюшенному переулку, 33, где остановился Павел Станиславович Войтеко, вошли сотрудники НКВД Ковалев и Калганов, которые предъявили бывшему прокурору ЧФ ордер № 1077 на арест и обыск. Этот ордер был датирован 25 августа и подписан неизвестно кем (чекисты сказали – самим Ежовым), без указания мотива ареста и санкции прокурора.

С первых дней пребывания П.С. Войтеко в тюрьме на него было оказано мощное физическое и психологическое давление. В результате трехсуточных истязаний, «стойек» и постоянного крика, Павел Станиславович дал так называемые «признательные показания» на 79 листах. В них он каракулями написал, что «подтверждает» показания ранее арестованных на флоте «врагов народа». После этого следователи НКВД оставили П.С. Войтеко в покое на некоторое время.

Однако вскоре, преодолев шоковое состояние, Павел Станиславович категорически отказался от написанного. Сидя в тюрьме, он все-таки собрался с силами и опроверг клевету и наветы. Но и следователи не отступали от задуманного. Они продолжали копить компромат, собирать обвинительные факты и признательные показания других арестованных.

Следователям понадобился почти год для того, чтобы сформулировать обвинительное заключение. В нем говорилось: «Следствием установлено, что Войтеко являлся участником антисоветского военного заговора, проводил враждебную работу по сохранению заговорщических кадров РККА, смазывал судебные дела по контрреволюционным преступлениям»¹¹.

Направив дело бывшего прокурора ЧФ П.С. Войтеко в Военную коллегия Верховного суда СССР, следователь Особого отдела ГУГБ НКВД СССР старший лейтенант ГБ Рожавский был уверен в скором окончании этого процесса, т. к. обычно дела участников антисоветских организаций заканчивались приговором к высшей мере наказания – расстрелу. Однако во время

судебного заседания Военной коллегии Верховного суда (ВК ВС) СССР произошло непредвиденное. Выслушав подсудимого, рассказавшего о пытках и других нарушениях законности со стороны органов следствия и заявившего, что материалы его дела сфальсифицированы, суд 8 августа 1939 г. вынес определение о направлении дела на доследование.

Следователям потребовалось еще полгода усиленной «работы» с непокорным бывшим прокурором Черноморского флота П.С. Войтеко, прежде чем состоялся суд, на котором он даже не мог стоять на ногах из-за побоев (по свидетельству секретаря судебного заседания военюриста 3 ранга Бычкова).

Второе заседание Военной коллегии Верховного суда СССР по делу П.С. Войтеко состоялось 28 февраля 1940 г. На этом заседании ВК ВС СССР в составе: председатель – бригвоенюрист Кандыбин, члены – бригвоенюристы Суслин и Детистов, снова был заслушан обвиняемый. Павел Станиславович Войтеко заявил следующее: «Виновным себя не признаю. Собственноручные показания дал после избиения и под диктовку следователя. Я не в силах был больше оказывать сопротивление следователям»¹².

По существу предъявленного обвинения он пояснил, что никаких установок от Кожанова и Гугина на «смазывание» дел антисоветского порядка, и в частности о троцкистах, не получал; ни о каких преступных действиях этих лиц не знал; особый отдел ЧФ тоже не имел материалов или иных разработок на них; о нарушениях социалистической законности следователями Особого отдела флота писал в Центр и в Главную военную прокуратуру.

В последнем слове Войтеко сказал, что должностные проступки в его работе возможно и были, но «уголовных преступлений, а тем более антисоветских, я не совершал, врагом народа не был. Прошу суд меня оправдать, так как я ни в чем не виноват»¹³.

Несмотря на то, что в ходе доследования никаких объективных доказательств виновности подсудимого добыто не было, а сам П.С. Войтеко продолжал столь же самоотверженно бороться против возводимой на него напраслины, обличал следователей НКВД в применении «физических методов», второй судебный состав Военной коллегии Верховного суда СССР (Кан-

дыбин, Суслин, Детистов), грубо нарушив требования УПК, без достаточной проверки достоверности обвинений Войтеко, вынес ему обвинительный приговор. К расстрелу приговорить его, видимо, не решились. Постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 февраля 1940 г. Павел Станиславович Войтеко приговорен к 15 годам ИТЛ с последующим поражением в правах на 5 лет и с конфискацией имущества, лично ему принадлежащего, срок подсудимого Войтеко с зачетом предварительного заключения исчислять с 25 августа 1938 г. «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит». Эта формула превращала осужденного в обреченного. Отныне все юридические возможности пересмотра приговора и реабилитации исключались.

Но там, где бессильно право, решает власть. И Войтеко обращается к ее высшему носителю. 24 марта 1940 года он пишет письмо Сталину, которое не осталось без внимания. Главная военная прокуратура получает указание разобраться и принять предусмотренные законом меры.

Военюристу 1 ранга Заварзину поручается изучить дело и представить свои соображения. Непродолжительное время спустя в деле военного прокурора Черноморского флота появляется документ за подписью Заварзина: «Считаю: Войтеко осужден правильно. Оснований для принесения протеста нет».

Так завершился неравный поединок военного прокурора с «блюстителем закона». Дальнейшую свою судьбу Павел Станиславович Войтеко разделил с теми, кого безуспешно пытался защитить. Можно отметить, что находясь в местах заключения, П.С. Войтеко продолжал бороться (неоднократно писал апелляции, жалобы, требовал пересмотра дела), но подвело здоровье. Его последние следы затерялись в Сибири, на этапе в Норильлаг¹⁴. В этих лагерях он и умер 20 марта 1945 г.

Посмертно П.С. Войтеко был реабилитирован 13 июля 1957 года¹⁵.

Список использованных источников и литературы

1. История флота государства Российского / Зимонин В.П., Золотарёв В.А., Козлов И.А., Шломин В.С. В 2 т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1. С. 451.
2. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА 1937–1941. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012. С. 37.
3. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА 1937–1941. Комбриги и им равные. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2014. С. 487.

4. Близниченко С.С. Боевая летопись Военно-Морского Флота Советского Союза: потери в результате репрессий 1930-х годов. Изд-во ГОУ ВПО «КубГТУ», 2010. С. 133.
5. Они не молчали / А.В. Афанасьев. М.: Политиздат, 1991. С. 227.
6. Указ соч. С. 228.
7. Указ соч. С. 228.
8. Указ соч. С.229.
9. Указ соч. С. 229.
10. Указ соч. С. 229.
11. Указ соч. С. 230.
12. Указ соч. С. 230.
13. Указ соч.С. 231.
14. Военно-политическое обозрение 2014. 04. 01.
15. АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 24642. Л. 1–3, 9.

9(571.5(092)Занданов

Л.В. Занданова

**Организация политических процессов и репрессии 1937–1938 гг.
в Восточной Сибири
(по материалам следственного дела Н.И. Занданова)**

В статье на достоверной источниковой базе показана судьба одного из тысяч трагически погибших в годы политических репрессий 1930-х гг. сыновей бурятского народа – Никиты Ивановича Занданова.

Основным источником для написания статьи стало следственное дело Н.И. Занданова, хранящееся в архиве ФСБ. Также привлечены другие разноплановые источники, что позволило воссоздать картину фальсификации политических процессов в Восточной Сибири в 1937–1938 гг. и показать обстоятельства смерти Н.И. Занданова, обвинённого в троцкизме, шпионаже и панмонголизме.

Ключевые слова: Никита Иванович Занданов, история бурятского народа, политические репрессии 1937–1938 гг. в СССР, троцкизм, панмонголизм, следственное дело, исторический источник, Восточная Сибирь, Иркутская область, Бурят-Монгольская АССР.